

Глава 4

Спор с алхимиком

Лес, не знающий жалости к своим заложникам, изверг их на каменистое плоскогорье. Пологие холмы здесь перемежались редкими рощами. К счастью, перед тем как покинуть замок, Фарфадэ успел осмотреть окрестности: на юго-западе простирались пустоши, а на севере колыхалось море лесов, упирающееся в горные хребты. Чтобы вернуться, оставалось лишь одно — идти на юг, полагаясь на удачу.

«Какая нелепица», — подумал Фарфадэ. Ощущая лишь глухое безразличие к происходящему, он повел своих спутников дальше.

Наступил Сезон серого тумана — время ни плохое, ни хорошее. Лишь изредка призрачная дымка внезапно густела, превращаясь в тяжелую желтую взвесь, похожую на взбаламученную глину. В такой пелене было легко потерять ориентацию, и тогда демон, сохранявший невозмутимость на протяжении всего пути, объявлял привал. Когда на их пути попадались реки, они задерживались у берега, чтобы поймать рыбу-прыгуна. Эта странная порода откладывала икру только на тысячслойное чёрное дерево, растущее у самой воды; в период размножения рыбы выпрыгивали из потока, стремясь присосаться к стволам.

Мясо прыгуна было нежным, хоть и содержало в себе долю токсинов, а икра по консистенции напоминала мягкое желе. Специфический, сладко-металлический вкус рыбы взрывался на языке в тот самый миг, когда зубы раздавливали икринки.

«Похоже на какую-то чертову икру деликатесных сортов», — мысленно оценил Фарфадэ.

Виладуан же после трапезы пришел к выводу, что сначала нужно насладиться икрой, а уже потом — самой рыбой. Поступив наоборот, он с удивлением обнаружил, что перестал чувствовать какой-либо вкус.

— Не беспокойся, это скоро пройдет, — бросил юноша.

Он явно знал о подобном эффекте, и эта демоническая скрытность в его исполнении выглядела вполне естественно.

Спустя долгое время, когда голод был утолен, а ноги отмерили немало лиг, перед ними возникли руины, скрытые густыми зарослями. Это было похоже на следы иного человеческого присутствия: балки и бочки в усталом бессилии повалились друг на друга, петли дверей одной стороной цеплялись за дерево, а другой — зажаты в чьих-то иссохших руках.

— О, какой неожиданный визит, — произнес обладатель этих рук.

Перед ними стоял призрак. Старый, немощный дух.

В эту эпоху мало кому удавалось дожить до спокойной старости и умереть в своей постели. Фарфадэ мельком взглянул на покойника: типичный отшельник, чья длинная борода превратилась в спутанный ком, словно нарочно созданный для вшей. Седые волосы плотно прилегали к черепу, лицо было испещрено старческими пятнами. Взгляд старика метался, напоминая прищуренные расчетливого торговца, но в то же время в нем светилась мудрость, непонятная простому люду.

— Это ад, — промолвил он. — Нужно было оказаться здесь лично, чтобы понять: всё, что они говорили — ложь лишь наполовину.

«Старик явно любит выражаться витиевато», — отметил про себя Фарфадэ.

— Теперь, когда вы осознали, что это ад, Преисподняя и мир после смерти, что вы намерены делать? — небрежно поинтересовался юноша.

— О, если бы я мог ожить, я бы всенепременно донес эту весть до живущих, дабы доказать, что после кончины нас не ждет пустота, — старик воздел руки к небу, и железные цепи на его запястьях жалобно звякнули. — Увы, увы! При жизни не делал ничего, а умерев — раскаиваюсь. Но раскаяние моё проистекает из страха, а не из сокрушения сердца! Таков я, Гвидостурия!

Закончив свою тираду, он вперил взгляд в юношу. Тот был неприлично молод, до странности похож на человека, и лишь изумрудные волосы да алые глаза выдавали его истинную суть.

— Скажи мне, демон, — спросил он требовательно. — Я оказался здесь из-за своего маловерия? Признаю, я никогда не служил истово ни земным владыкам, ни небесному царю. Моим единственным богом было знание! Или же я проклят за то, что провел переливание крови трем пациентам? Позволь оправдаться: один выжил, остальные скончались. А может, грех мой в изучении темных, пагубных учений и выращивании ядовитых трав? Какая из вин тянет сильнее?

— И ты спрашиваешь об этом меня? — зеленый демон ответил с искренним недоумением. — С моей точки зрения, земные прегрешения не имеют веса.

Он стремительно подошел к Гвидо и, невзирая на испуганное сопротивление старика, одним рывком сорвал лохмотья льняного рукава.

Рука алхимика была покрыта густой сетью гниющих, сочащихся гноем язв.

— Неужели ты до сих пор не понял? Меньше грехов или больше, велики они или малы — всё это суэта. О люди, люди! Те, кто не обрел бессмертия, в миг своей кончины объявляются

грешниками! Вас сгоняют сюда, словно отару овец, а вы всё грезите о небесном указе о помиловании. Кто смеет заявлять о своей безгрешности?

Он отпустил обрывок ткани и добавил ледяным шепотом:

— Голод, мор и страх — лишь начало испытаний. Преисподняя в воображении людей ужасна, но вы сами при жизни возвращали эти беды. Не стоит винить демонов во всех своих несчастьях.

Фарфадэ внезапно почувствовал скуку. Он небрежно отбросил клочок льна.

— Ладно, довольно. Всё это бессмысленно.

Юноша собрался уходить: пусть старик спрашивает кого угодно, ему-то что за дело. Но не успел он сделать и шага, как Гвидо вцепился в его плащ. Если бы Фарфадэ не обладал демонической реакцией, старик наверняка успел бы его задеть.

Обернувшись, он увидел Гвидо, который простерся на земле. По морщинистой щеке катилась слеза.

— погоди! — иступленно закричал он. — Ты, высокомерный дух, ты лишь рассыпаешь передо мной красноречивые лживые речи!

— Верь во что хочешь, — Фарфадэ был безразличен. Всё равно он нёс чепуху, выдумывая мироустройство на ходу.

Чего он не знал, так это того, что его слова, подобно беспорядочным, но сокрушительным ударам, попали в самую сокровенную цель алхимика Гвидо. Ведь если бы бессмертие было достижимо, кто стал бы бояться смерти или вод Стикса? Кому пришло бы в голову бесконечно слагать гимны идолам? Вечная юность и жизнь, нетленная, как золото или серебро — вот истинная цель каждого алхимика. Для честолюбца добродетель может быть лишь инструментом, способом привлечь к себе чьё-то внимание.

— Я слышал, — заговорил старик, — что демоны более всего ценят в жертву больных овец, сердца младенцев или клинки убийц...

— Ты слышал не то, — мгновенно отрезал Фарфадэ. Что за дикие фантазии? — Мне это неинтересно.

— Тогда назови свою цену, демон, — Гвидо поднимался с колен. Он всё больше убеждался, что этот юноша владеет тайнами, о которых он и не помышлял. Какие ещё уловки припас этот дух? Какую цену он заломит? В священных книгах сказано: демоны искушают людей потому, что обладают мудростью, равной божественной. И если уж было доказано (алхимик предпочел

проигнорировать возможность лжи, ведь предложенная демоном истина была слишком заманчива), что творить добро порой бесполезно, он был готов на обмен. Он был таким при жизни и не собирался меняться после смерти.

Фарфадэ не догадывался о мыслях Гвидо. Он с досадой потянул свой плащ. Раз уж добыча сама идет в руки... что ж, придется принять.

Вспыхнуло черное пламя. Даже самое великолепное зрелище приедается, если видишь его в третий раз. Бросив взгляд на ожидавших в стороне Хельзе и Вирадуана, он резко приказал:

— Вы двое — закройте глаза!

Доселе Фарфадэ никогда не позволял себе столь властных и грубых интонаций. Вирадуан зажмурился еще до того, как успел осознать приказ. Их с Хельзе покорность уберегла их от постыдного зрелища — зрелища того, как чужое достоинство втаптывается в грязь. Магия управления душами неумолима: если она велит идти налево, ты будешь идти, пока не сотрешь само понятие «лево» в прах; если велит прыгнуть в реку, ты станешь камнем, безвольно лежащим на дне.

— Я не такой, как вы, — серьезно произнес юноша. — Но раз уж вы следуете за мной, пусть даже как рабы, я готов выдать аванс. Ш-ш-ш...

Он протянул руку. Раздался хруст, чавканье, звук разрываемой плоти и лопающихся связок. Из загривка старика он вытянул извивающееся, многоногое существо, покрытое хитиновыми пластинами — живое воплощение болезни.

Фарфадэ завязал извивающуюся многоножку узлом и резко разорвал её. Гвидо мгновенно ощутил небывалую легкость: недуг отступил.

Умудренный опытом алхимик беззвучно шевелил губами. Он перебирал свои обширные знания: канонические тексты, апокрифы — всё, что он читал при жизни в поисках крупниц истины. Когда юноша, небрежно хрустя панцирем, разжевал многоножку, этот звук навсегда врезался в память Гвидо. Зубы демона были острыми, как у змеи.

Его осенило: перед ним стоял Фарфадэ — легендарный демон, властвующий над мором и болезнями. Люди всегда приписывали каждое бедствие конкретному существу, как повар владеет черпаком, а конюх — поводьями.

И в этом он не ошибся.

— Им ни слова, — бросил обладатель алых глаз.

Внушив почтение и страх алхимику, Фарфадэ вместе с Хельзе, Вирадуаном и примкнувшим к

ним Гвидо продолжил путь.

Они по-прежнему подкрепляли силы лесными плодами и пили серую воду из ручьев. По дороге Фарфадэ начал лучше понимать природу своей силы. Он мог физически осязать «мор». Для него язвы и разложение были подобны яду, который можно было снять с человека пальцами. Он чувствовал это не глазами — такое нельзя увидеть. И раз он мог забрать болезнь, значит, мог и вернуть её, подобно злему ребенку, который подбрасывает прохожим змей и скорпионов ради забавы.

Это было чудо, но чудо зловещее. Поедание многоножки даровало ему сытость... Возможно, распространение заразы дало бы ему еще большую силу, но ему нужны были люди, а травить своих подчиненных он не собирался.

Гвидо проявлял живой интерес к воде, которая никак не желала становиться чистой. Сблизившись с молодыми людьми, он принялся рассуждать о материи, из которой сотворен мир. Вирадуан слушал его с явным недоверием, Хельзе же, напротив, с упоением внимала рассказам о вещах, о которых прежде и не слыхивала. Наконец рыцарь, лишенный меча, не выдержал:

— То, что вы говорите, слишком походит на ересь...

— О, сейчас это не имеет значения, — отмахнулся Гвидо. — Теперь мы все — лишь слуги господина Фарфадэ.

Вирадуан не ожидал такого лукавства и на мгновение лишился дара речи.

Фарфадэ не было дела до их мелких споров. Он был занят изучением новых видов и разметкой территории. Это не мешало ему искать дорогу к замку — он верил, что рано или поздно эти земли появятся на его картах. Теперь, найдя способ восполнять энергию, он больше не спешил, а мог спокойно обдумывать дальнейшие планы.

Однако на полпути они снова угодили в блуждающий лес. На этот раз Хельзе и Вирадуан, наученные опытом, сохраняли спокойствие, зато Гвидо восторженно восклицал:

— Я должен всё это задокументировать!

В этот раз, следуя за кислотоядной пчелой, они нашли не арьергард, а деревья-авангарды — группу могучих дубов. У них по-прежнему не было ни топоров, ни огненных орхидей. Хельзе, поправляя длинные волосы, произнесла:

— Знаете, у меня есть одна идея.

Её план сработал. Честно говоря, если набраться терпения, можно было бы вытесать из камня

подобие топора, но это заняло бы слишком много времени. Они выбрали самый тонкий дуб, и пока они выдалбливали в нем пазы, Фарфадэ почему-то вспомнил бобров.

— Сейчас рухнет, отойдите! — крикнул Вирадуан, когда работа была почти закончена.

С грохотом ствол повалился на землю. Мир вокруг на мгновение замер. На этот раз их не выбросило из чащи внезапно, но лес перестал двигаться. Теперь им оставалось лишь полагаться на собственные ноги, чтобы выйти из него.

И вот, когда они наконец выбрались из-под лесного полога, красноглазый демон замер в изумлении. Его замок стоял прямо перед ними, на вершине далекой скалы. Ирония судьбы: блуждающий лес, кружа по Преисподней, сам принес их обратно к порогу дома.

<http://bllate.org/book/16116/1581061>